

В.В.Лунеев,
доктор юридических наук,
ИГП РАН,
Московский исследовательский центр
по проблемам организованной преступности и коррупции

Особенности современной преступности в России

1. Представители социологической школы криминологии еще в позапрошлом веке пришли к выводу о формировании преступника главным образом обществом. В связи с этим они предполагали, что с совершенствованием общественных отношений преступность будет утрачивать свою причинную базу. Подобный оптимизм был особо распространен в начале XX столетия. Предсказывалось, что социальное, экономическое, политическое и культурное развитие приведет к существенному снижению преступности. А в СССР даже обосновывали идею о постепенном отмирании преступности в процессе социалистического строительства и серьезно ставили задачу ее ликвидации. Вопрос о социальной детерминации преступности находит достаточное подтверждение, а вот оптимистические прогнозы о ее сокращении и отмирании не оправдываются ни в развитых, ни в развивающихся странах.

Между научно-техническим прогрессом и преступностью, к сожалению, нет скорых, жестких и прямых корреляций. Научно-технический прогресс и нравственно-правовое развитие людей имеют разные скорости и сложную корреляцию. Более того, с развитием общества социальные, экономические, политические и психологические противоречия не только не уменьшаются, но даже возрастают. Поэтому криминологическое прогнозирование намного сложнее и пессимистичнее. Наиболее высокая преступность регистрируется в самых богатых экономически, социально и политически развитых странах.

Профессор США Грэм Ньюмен, не оспаривая эту тенденцию, находит своеобразную взаимосвязь между развитой экономикой и преступностью. Он соглашается, что в США и других развитых странах действительно очень высокая преступность, но она, по его мнению, меньше задевает общество, чем в бедных странах. Предложив типично американское прагматическое объяснение, он сравнивает преступность с камнем, а экономику с лужей. Если бросить большой камень в малую лужу, она вся расплещется. А если свалить несколько машин камней в огромное озеро, оно этого может и "не заметить". Автор заключает, что с повышением уровня разви-

тия влияние преступлений на жизнь общества может быть меньше, несмотря на увеличение их числа¹.

Однако и это объяснение не свидетельствует о наличии жесткой прямой связи преступности с экономикой. Правда, в сознании населения эта связь поддерживается тем, что в структуре выявленных преступников более 50% составляют бедные и социально не устроенные люди. Но это в большей мере — результат выборочного характера уголовной статистики и ответственности. И не только в нашей стране.

2. Более ста лет тому назад было установлено, что *темпы прироста преступности обгоняют темпы прироста населения*. К.Маркс в те годы писал, что, должно быть, есть что-то гнилое в сердцевине той социальной системы, которая увеличивает богатство, но при этом не уменьшает нищету, и где преступность растет быстрее, чем численность населения. Эта закономерность сохраняется. Прирост преступности выше прироста населения примерно в 3-4 раза: по данным Четвертого обзора ООН, преступность в среднем прирастает на 5% в год, а численность населения — на 1-1,2%. Под "той социальной системой" автор понимал капитализм, но по этому же закону изменялась преступность и в социалистических странах. В силу тотального контроля уровень ее был намного ниже, а тенденции — те же. Например, в СССР (социалистическая страна) и в Швеции (благополучная капиталистическая страна) с 1950-х до 1990-х годов преступность выросла практически одинаково — в 5,4—5,6 раза.

Двадцатое столетие ознаменовалось великими открытиями в науке и технике, небывалым экономическим развитием отдельных стран. Оно выработало оптимальные демократические принципы государственных устройств, в условиях серьезных глобальных противоречий находило приемлемые формы мирного сосуществования между государствами и во взаимоотношениях с природой. Но одновременно многие страны и народы продолжают жить в условиях голода и нищеты, войн и вооруженных конфликтов, непрерывных вспышек социальной, расовой, национальной и религиозной вражды, технологических и экологических бедствий, невиданного разгула терроризма, насилия, грабежа, обмана и др.

3. Мировые исследования преступности и правонарушаемости показывают, что *противоправность жестко и отрицательно коррелирует с социально-правовым контролем: судебным, прокурорским, конституционным, административным, налоговым, финансовым, бюджетным, валютным, таможенным, пограничным, санитарным, экологическим, гражданским, общественным и т.д.* Причем, контроль, конечно же, не панацея от всех криминальных

¹ Newman G. Crime and the Human Condition. Essays Crime and Development. UNICRI / Rome, 1990. P. 80-82.

действий. Более того, он не должен сковывать правомерную инициативу граждан и субъектов рынка. Но там, где он построен на научно обоснованных и разумных законах, принятых демократическим путем, он оказывает заметное противодействие разгулу преступности¹.

В нашей стране социально-правовой контроль часто ассоциируется с тотальным, советским. *Тоталитаризм* разных мастей (фашистский, коммунистический, религиозно-фундаменталистский и др.) чрезвычайной жестокостью и государственным насилием действительно может удерживать традиционную уголовную преступность на социально-терпимом уровне, но он криминален по своей сути и формы его борьбы с преступностью опаснее самой преступности. Удерживая традиционную уголовную преступность в определенной узде, он не избавляет общество от массовой виктимизации.

Либеральная демократия, являясь магистральным направлением политического и гуманистического развития человеческого общества, отвергает дискреционные злоупотребления властей против своего народа и нарушение его неотъемлемых прав, но она все менее и менее справляется с интенсивно растущей организованной, террористической, коррупционной и общей преступностью, действующей без правил и признающей только грубую силу.

Особенно беспомощным оказался в борьбе с преступностью российский либерализм (как он видится некоторым правым теоретикам), отвергающий эффективный социально-правовой контроль общества и государства, идеи самобытного сильного правового государства, дееспособную государственную власть, гармонию прав и обязанностей граждан.

Эти теоретики не утруждают себя объективным изучением социально-правового контроля в демократических государствах, без которого невозможны ни демократия, ни рыночная экономика, ни правовое государство. Они не озабочены массовой преступностью в стране и миллионами ее беззащитных жертв. Поэтому они часто противопоставляют гуманность правоохранительных органов и правосудия — их эффективности, активную защиту прав преступников — насущным правам их жертв, хотя в уголовном процессе эти понятия неразделимы.

Таким образом, и при тоталитаризме, и при либерализме общество попадает в *криминальный капкан*. *Преступность после мировых войн и возможных глобальных катастроф стала главной угрозой современности*. Она интенсивно растет, постоянно меняется, мимикрирует, мгновенно заполняя неконтролируемые

¹ См.: *Freda Adler*. Nations not Obsessed with Crime. Littleton/Colorado, 1983; *Лунеев В.В.* Социально-правовой контроль и предупреждение преступности // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. М., 2002. С. 145-164.

или слабо контролируемые ниши. Темпы ее прироста постоянно остаются выше темпов прироста населения. Качественные изменения дрейфуют в сторону большей изощренности. Увеличиваются ее общественная опасность и причиняемый ею ущерб. В условиях активизации борьбы с ней она организуется, вооружается, коррумпируется, глобализируется и интеллектуализируется, оперативно используя все достижения науки и техники.

4. Названные общемировые тенденции и закономерности в полной мере свойственны российской преступности, которая в процессе непродуманной перестройки, стихийного перехода к рыночной экономике и капиталистическим отношениям приобрела ряд *особенностей*.

Первая. В стране идет психологический процесс *привыкания* населения к растущей преступности, в том числе и к ее относительно новым формам — организованной, террористической и коррупционной. Два десятка лет тому назад череда организованного кровавого терроризма, массовых захватов заложников, работоторговли, непрекращающихся публичных заказных убийств, многомиллионных мошенничеств, как и открытая беспрецедентно циничная коррумпированность высших государственных должностных лиц, глубоко шокировали бы россиян. Ныне они видят это почти ежедневно и принимают как данность.

Вторая. Криминальные картины, непрерывно идущие в виртуальном кино-, телемире, показывают то, что существует в реальной преступной действительности, и это вызывает массовый интерес. Популярность бандитских боевиков стоит на одном из первых мест. Аудитория огромна. Американский писатель Джон Стайнбек в "Путешествии с Чарли в поисках Америки" пишет, что мы любим добродетель, но нас больше интересует не честный бухгалтер, верная жена или серьезный ученый, а бродяга, шарлатан, растратчик, преступник, бандит и т.д. Спрос рождает предложения, которые ничем не ограничены. И привыкание, и интерес к криминалу, особенно среди молодежи, — очень опасные и долгосрочные социально-психологические тенденции.

Третья. Доминирующая мотивация различных видов преступного поведения утилитарна: корысть, власть, месть, секс и иная личная выгода. Суть побуждений не изменилась с библейских времен, только упростилась. Историк Э.Ренан более ста лет тому назад сделал вывод, что основной тенденцией в мире будет стремление "заместить во всем моральные двигатели материальными"¹. Удельный вес корысти в преступном поведении достиг апогея — 80—90% и более. Процесс "окорыствования" общественных (экономических, социальных, политических) отношений продолжается. Корыстолюбие, дикость и примитивность человеческого поведения, как и в

¹ Ренан Э. Полн. Собр. соч. Т. 3. Киев, 1892. С. 12.

прошлые века, остается нормой земного бытия и в нашу претендующую на цивилизованность эпоху. Надежды человечества на то, что прогресс, основанный на научно-техническом, демократическом, социальном и экономическом развитии, приведет к облагораживанию нравов, практически не оправдываются, и не только в нашей стране.

Четвертая. За прошедшее столетие преступность в среднем увеличилась на порядок. Аналогичная тенденция была и в нашей стране. Ежегодно в мире только регистрируется до 450-500 млн преступлений на 6 млрд населения. Это около 8 тыс. деяний на 100 тыс. населения. Реальная преступность вдвое выше, по меньшей мере. В некоторых европейских мегаполисах уже ныне только регистрируется до 16 тыс. и более преступлений на 100 тыс. населения, между тем масштаб латентной (незаявленной, неучтенной, неустановленной) преступности соотносим с регистрируемой. А в нашей стране он многократно выше.

Пятая. Наряду с фактическим ростом преступности идет непрерывный процесс криминализации (возведения в ранг преступления) все новых и новых видов общественно опасного поведения. За время действия четырех УК России (1922, 1926, 1960, 1996 гг.) было криминализировано более 300 новых видов поведения и декриминализировано около 100. Предложения к расширению нового УК идут непрерывным потоком. Процесс этот — естествен. Но когда тенденция криминализации в три-четыре раза превалирует над декриминализацией, то это требует серьезного осмысления. Ныне в сферу преступного зачислены все сколько-нибудь значимые угрозы для человека, общества и государства. Поэтому совершенствование любой сферы жизни и деятельности в той или иной мере связаны с обузданием криминала.

Шестая. Процесс интенсивной криминализации новых деяний, совершаемых простыми людьми, коррелирует с не менее интенсивным торможением возведения в ранг преступлений общественно опасных деяний, совершаемых политической, экономической и правящей элитой. Более 10 лет в России пытаются принять закон о борьбе с беспрецедентной коррупцией в высших эшелонах власти. Тщетно. Наша экономическая, политическая и правящая элита легко перенимает права и свободы европейских стран, но демократический контроль за своей противоправной деятельностью расценивает как возвращение к тоталитаризму. Этот фактор является особо криминогенным.

Седьмая. Интенсивное расширение сферы уголовно-наказуемого поведения среди простого люда ошибочно расценивать как укрепление правопорядка. Уголовная юстиция не справляется даже с выборочно регистрируемой преступностью. Если бы эта система расследовала и рассматривала в суде хотя бы основную часть совершаемых преступлений, она бы рухнула под грудой 12—15 млн деяний.

У нас учитывается около 3 млн преступлений, т.е. не более четверти реальной преступности. В связи с этим примерно 5-7 млн людей, фактически пострадавших от преступлений, не получают никакой правовой помощи от государства. В числе учтенных деяний выявляется около половины виновных. До суда доходит один из десяти фактических преступников. К лишению свободы осуждается около 350 тыс., или 2-5 человек из ста реально совершивших уголовно наказуемые деяния. Но и это пенитенциарная система выдержать не может. Помогают ежегодные массовые амнистии. Превентивная роль наказания почти нулевая.

Восьмая. По данным МВД, в 2002 г. из 1,3 млн выявленных правонарушителей: 53% составили лица, не имеющие постоянного источника дохода, 24% — совершившие преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, 24% — ранее судимые, 18% — женщины (идет процесс феминизации преступности), 11% — несовершеннолетние. И только 3,6% выявленных лиц совершили преступления в составе организованных групп или преступных сообществ.

Таким образом, система уголовной юстиции в основном нацелена на бедные, низшие, слабо адаптированные, алкоголизированные, деградированные и маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния. К уголовной ответственности привлекаются, как правило, те, кто совершил примитивное и очевидное деяние, кто не смог замести свои следы, кто не способен квалифицированно самозащитаться, кто не прикрыт депутатской и иной должностной неприкосновенностью, кто плохо понимает презумпцию невиновности, у кого нет оснований блефовать, что его преследуют по политическим мотивам, у кого нет средств на известного адвоката, кто не может внести залог и выйти на свободу до суда, чтобы скрыть следы преступления, кто не может сфабриковать или добыть необходимый компромат на своих преследователей, кто не может просто откупиться от них и т.д. Такая практика серьезно подрывает конституционный принцип — все равны перед законом и судом — и является особо криминогенным обстоятельством.

Девятая. Большинство лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных, действительно виновно, хотя доля фактически и юридически невиновных в структуре преследуемых тоже не так уж мала. Она ежегодно достигает 200-250 тыс. человек (оправданные; лица, дела о которых возвращены на дополнительное расследование, а затем прекращены за отсутствием состава преступления; незаконно содержащиеся под стражей; лица, в отношении которых были отменены как незаконные постановления о возбуждении уголовных дел и т.д.). Среди них значительная доля фактических, но не избалованных преступников. Введение в прошлом году в действие нового уголовно-процессуального законодательства заметно увеличило удельный вес таких лиц.

Десятая. Преступления совершают и богатые, и образованные, и высокопоставленные; правящая, политическая, экономическая элита; президенты, премьер-министры, министры и губернаторы. Коэффициент поражаемости *реальной* преступностью элитарных групп (как отношение преступников из этих групп к общему числу лиц данных групп) не ниже (или не намного ниже), чем самых неблагополучных слоев населения. Другое дело, что каждый слой общества совершает "свои" преступления. Высокопоставленному должностному лицу ничего не надо делать самому, ему надо лишь намекнуть о своих потребностях. Государственному чиновнику нет нужды совершать грабежи, он многократно может обогатиться от продажи конфиденциальной информации и т.д. А ответственность наступает по-разному. Преступления нищеты, бедности и слабо адаптированных к жизни людей легко попадают в жернова системы уголовной юстиции, а преступность власти, богатства и интеллекта почти не значится в орбите деятельности правоохранительных органов. Хотя именно в этой сфере причиняется *колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к власти и государству.*

5. Современные тенденции не дают оснований для оптимистического прогноза преступности на ближайшие годы. Он подкрепляется негативными тенденциями фоновых криминогенных явлений (пауперизма, алкоголизма, наркотизма, проституции, беспризорности, безнадзорности, бездомности, психических заболеваний и т.д.) и низкой эффективностью деятельности системы уголовной юстиции.

Серьезным, хотя и не главным, показателем эффективности борьбы с преступностью является *соотношение сил и средств системы, уголовной юстиции с фактическими результатами ее деятельности.* У меня нет открытых, точных и последних данных о системе уголовной юстиции России и других стран. Но, по сведениям ООН 1994 г., число полицейских на 100 тыс. населения в России было самым большим в мире (1224 — практически один сотрудник на одно зарегистрированное преступление) при среднем мировом числе — 371. За Россией следует Сингапур (1074), Уругвай (840), Бермуды (796), Казахстан (778). Франция на 26 месте (349), Англия и Уэльс — на 27 (346), США — на 31 (300), Швеция — на 34 (281), Япония — на 44 (207) и т.д.¹ Данные ООН получает от правительств, которые могут представлять не совсем точные сведения. Тем не менее эти сравнения показательны. В Швеции, например, число полицейских на 100 тыс. населения в 4,5 раза было меньше, чем в России, а они "обслуживают" в 6,5 раза больше учтенных преступ-

¹ См.: Global Report on Crime and Justice / Ed.. G.Newman. NY.; Oxford, 1999. P. 300.

лений, чем в России. В 1994 г. там регистрировалось 12 тыс. преступлений на 100 тыс. населения, а в России — только 1,8 тыс. И это при условии, что латентная преступность в России многократно выше, чем в Швеции, но органы внутренних дел и другие правоохранители ее не выявляют и не учитывают.

В непосредственных контактах милиции с вооруженными преступниками эффективность ее деятельности тоже низка. В 2002 г. в результате *применения табельного оружия* в России погибли 107 и ранены 402 преступника, а от рук преступников погибли 212 и ранены 523 сотрудника милиции. Преступники даже в этом случае из года в год действуют эффективнее, чем органы правоохраны.

6. Мы совершенно *не знаем реальной цены фактической преступности и правонарушаемости*, которая включает в себя физический, материальный и моральный вред, причиняемый гражданам, экономике, государству; расходы на охрану, защитные устройства; расходы на всю систему уголовной юстиции, содержание осужденных, их ресоциализацию и т.д. Эта цена может быть очень высокой. Она, видимо, сопоставима с бюджетом страны.

Мы не знаем и уровня реальной преступности. Называемые 12—15 млн фактически совершаемых в России преступлений в год — это более или менее обоснованная экспертная оценка. В действительности, никто этой цифры не знает и она системно ни кем не изучается и не обнародуется. В США, Великобритании, Канаде, Австралии и других странах 1-2 раза в год проводятся репрезентативные социологические исследования виктимизации граждан. У нас же чуть ли не ежемесячно изучаются рейтинги всем надоевшим политиков и "пупырышных" партий, но отсутствует регулярное и системное познание фактической криминализации общества, которая подрывает все общественные устои в стране.

При изучении фактического уровня преступности нельзя забывать и об уровне административных правонарушений. В современной России существуют около 40 ведомств и органов административной юрисдикции. *Только по линии МВД и судов ежегодно регистрируется до 80 млн административных правонарушений.* Их латентность многократно выше латентности преступности. О деятельности других органов административной юрисдикции никаких данных нет. Чтобы получить реальный уровень преступности и правонарушаемости в стране, необходимо все это выяснить и просуммировать. Есть основания полагать, что общее число преступлений и административных правонарушений статистически намного превышает численность населения страны, включая стариков и детей.

Мировое сообщество в целом и наша страна особенно стоят перед проблемой ювелирного решения сложнейшей двуединой задачи — обеспечения одновременно и эффективности правоохранительной деятельности и ее гуманности. Результативная ра-

бота органов правоохраны должна сочетаться со строжайшим соблюдением фундаментальных прав человека на основе нового соотношения свободы и необходимости, свободы и социально-правовой подконтрольности, свободы и безопасности.